
УДК 81'27
ББК 81.001.2
Д 25

Девицкая Е.Н.

Преподаватель кафедры иностранных языков филиала Кубанского государственного университета в г. Славянске-на-Кубани, e-mail: etnolabsgpi@mail.ru

**Символика красного цвета в русском
и немецком сказочном фольклоре**
(Рецензирована)

Аннотация:

Проводится анализ цветообозначений, вербализующих концепт «красный» в русских и немецких народных сказках. Составляются концептограммы всех колоративов, последовательно анализируются выявленные лексические связи, частотность, функциональная сфера. В результате анализа установлены явные и скрытые символические смыслы красного цвета, не совпадающие в сказках обоих этносов в силу их этнокультурной специфики.

Ключевые слова:

Этнолингвистика, концепт, фольклор, сказка, символика, цвет.

Devitskaya E.N.

Lecturer of Foreign Languages Department, Branch of Kuban State University in Slavyansk - on – Kuban, e-mail: etnolabsgpi@mail.ru

Symbolics of red color in the Russian and German fantastic folklore

Abstract:

The present paper deals with the analysis of the colour names, which represent concept “red” in Russian and German folk tales. The author prepares concept diagrams of every colour name, analyses identified lexical connections, frequency and functional sphere. The analysis shows explicit and implicit symbolical meanings of red colour. These meanings do not agree in Russian and German folk-tales owing to their ethno-cultural specificity.

Keywords:

Ethnolinguistics, concept, folklore, folk tale, symbolism, colour.

Кросскультурные исследования последних лет в области лингвистики и психологии показали, что представление об определенном цвете в культурном самознании носителей языка имеет характерные отличия, которые непосредственно отражаются в его лексической интерпретации. Проследим данное явление с позиций концептологии на примере представлений

о красном цвете в культурном мировоззрении представителей двух этносов — русского и немецкого. Концепт как лингвистический инструмент позволяет рассмотреть «идеальные ментальные сущности — единицы, с помощью которых создаются представления о мире» [1: 333].

В текстах разных жанров один и тот же цвет может нести различную сим-

волическую нагрузку. Однако и в пределах одного жанра создаются специфические цветовые символы. Фольклорный текст не является исключением. Проанализируем сказочные фольклорные тексты сборника на немецком языке («Kinder- und Hausmärchen» Brüder Grimm) и русском языке («Северные сказки» Н. Е. Ончукова). Объектом исследования являются лексемы с цветовым значением, вербализующие концепт «красный». Предполагается выявить этнокультурную специфику реализации концепта в сказочных текстах двух этносов.

Фактический языковой материал,

выбранный из сказок с помощью компьютерной программы NewSlov3, обрабатывается далее согласно методике контрастивного анализа, разработанной курскими учеными. Поэтапно составляются алфавитные и частотные словники, конкордансы всех лексем, репрезентирующих красный цвет в тексте сказки, результаты которых соответственно выражаются в виде концептограммы для каждого отдельного колоратива [2: 10 - 11]. При совмещении таких концептограмм в двухместную ячейку контрастивного словаря получаем отражение всех лексических связей выбранных колоративов.

Таблица 1. Концептограммы основных колоративов

красный 67

S: *девица 10, девича 10, девка 3, девица 1, девушка 5, древо (= дерево) 6, дуга 2, колпак 1, крыльцо 3, ложка 1, лоскуток 2, наглазники 2, плоды 1, рубашка 3, сапоги 1, солнышко (=солнце) 10, сукна 1, товары 1, шапка 2, штаны 1*

rot 43

S: *Absätze 1, Augen 3, Backen 5, Blut 2, Blutfahne 1, Fahne 1, Feldstein 1, Flecken 1, Höslein 2, Käppchen 1, Kind 1, Kindbetterwein 1, Räder 1, Räderchen 1, Ringlein 1, Sammet 1, Scharlach 3, Schneewittchen 2, Seide 4, Stein 1, Strich 1, Töchterlein 1, Wein 3, Zungen 1*

Vs: *(rot) sein 2, (rot) heraufsteigen 1*

Основными репрезентантами исследуемого концепта являются прилагательные *красный* и *rot*. Наиболее обширная тематическая группа — человеческая жизнедеятельность (жилище, бытовой уклад, одежда и внешность). Эта группа представлена в сказках обоих этносов, однако нет ни одного пословного совпадения среди объектов, имеющих лексическую связь с колоративами. В русской сказке это *крыльцо 3, рубашка 3, сапоги 1, сукна 1, шапка 2, штаны 1* и др.; в немецкой сказке — *Absätze 1 / каблуки, Augen 3 / глаза, Backen 5 / щеки, Blut 2 / кровь* и др. Налицо репертуарная асимметрия. Попробуем выявить символическую нагрузку отдельных эпитетосочетаний с колоративами в каждой из тематических групп.

Самое частотное эпитетосочетание с колоративом в русском сказочном тексте — *красная девица*: ... *как матушке служили, так послужите мне красной девице Настасье-царевне* [3: 85], *пособи красной девице Льва-зверя победить*» [3: 75]. В форме упомянутого фольклорного эпитета проступает древний народный «стандарт» красоты, согласно которому образцово красивой считалась девическая белизна и румянец на лице [4: 119]. Такое представление о красивой и здоровой девушке вошло в произведения народного жанра — балладу, песню, сказку. Таким образом, сочетание *красная девица* нельзя считать специфично сказочным. Это общефольклорный оборот, в котором лексема *красный* совмещает в себе

как первоначальное свое значение (хороша, красива), так и колоративное значение (красная, т. е. румяная в лице, а значит здоровая и красивая).

Еще одним не менее важным элементом фольклорного повествования является эпитетосочетание с колоративом *красное солнышко*. Используется оно в качестве компонента при описании героя необычной красоты: ... *по локоткам ручки в серебри, позади светел мисяць, попереди **красно** солнышко* [3: 124]; или же в составе обращения к милому, уважаемому человеку: «*Кумушко, **красно** солнышко, ведь пришел ...*» [3: 127]. Лексема *красный* здесь косвенно выполняет функцию колоратива, так как она стерлась в ходе развития представлений о красном цвете. Входя в триаду *белое — красное — черное*, представляющую последовательную смену частей суток, красный цвет ассоциировался с днем, а значит с солнцем. Диминутивная форма существительного подчеркивает трепетно-уважительное восприятие солнца представителями славянского этноса — *Солнышко-батюшко*. Все положительные коннотации переносятся на человека, в обращении к которому используется данное эпитетосочетание.

Красный цвет используется при описании деталей мужского костюма в русском тексте — *красная рубашка, красные сапоги, красная шапка, красные штаны*. В женском костюме сказочных персонажей, однако, нет ничего красного цвета. Положительной коннотации красоты и пригожести при характеристике мужских образов не обнаруживаем. Чаще использование колоратива носит бессистемный характер, и он не имеет какой-либо символической нагрузки: *Вот с печи лезит мужик в **красной** рубашки и говорит: «Давайте мне лучше деньги, а то вас убью»* [3: 284].

Символический смысл «эталон красоты» реализуется красным цветом и в тексте немецкой народной сказки в характеристике женского сказочного персонажа. Наиболее ярко этот смысл проявля-

ет себя при описании Белоснежки. Здесь с колоративом *rot* сочетаются такие лексемы, как *ein Kind / ребенок, Töchterlein / доченька, Schneewittchen / Белоснежка: ein Kind so weiß wie Schnee, so rot wie Blut / ребенка беленького как снег и румяного (красного) как кровинушка* [5: 269]. В данном примере находим метафорическое сравнение красного цвета с кровью с положительной коннотацией.

Положительные коннотации жизнерадостности и силы реализуются в немецкой сказке прилагательным *rot* и глаголом с цветовым значением *röten / краснеть*: ... *hatte in dem Augenblick durch Gottes Gnade das Leben wiedererhalten, war frisch, rot und gesund / только что благодаря господу Богу сохранила жизнь, была свежа, красна (румяна) и здорова* [5: 86]; *so bewegte sich das Blut in den Adern, stieg in das bleiche Angesicht und rötete es wieder / кровь потекла по венам, хлынула в бледное лицо и оно снова закраснелось (зарумянилось)* [5: 110]; *und alsbald röteten sich ihre Wangen, und das Leben regte sich von neuem / и тотчас закраснелись ее щеки, и жизнь началась заново* [5: 229].

В русском тексте также присутствует глагол с цветовым значением *краснеть* в сочетании с существительным *губы*. Но речь идет об описании внешности арапа вне какой-либо символической нагрузки: *Взглянул к печке, а арап там спит, только зубы белеют, да губы краснеют, а лица не видно* [3: 329].

Красный цвет в немецком сказочном тексте проявляет себя и как член оппозиции *черное/красное*, символизируя жизнь, радость в противопоставлении с трауром, мрачностью черного цвета: *darum war die Stadt damals mit schwarzem Flor zur Trauer, und ist heute mit rothem Scharlach zur Freude ausgehängt / поэтому город был покрыт черным крепом в знак траура, а сегодня вывесили флаги ярко-красного цвета в честь радостного события* [5: 323]. Однако есть еще одна оппозиция — *белое / красное*, в которой роль красного

цвета радикально меняется на отрицательную: *es war aber nicht die weiße sondern die rote Blutfahne, die verkündigte daß sie alle sterben sollten / это был не белый, а красный флаг, который означал, что все они должны умереть* [5: 72]

Помимо положительной символической нагрузки лексические средства реализации концепта «красный цвет» в немецкой народной сказке чаще входят в сочетание с такими лексемами, как *Augen / глаза, Blut / кровь, Flecken / пятна, Zungen (des Feuers) / языки (пламени), Strich / метка (рубец)*. Данные примеры обнаруживают коннотации агрессии, одержимости, злости, а иногда и физической боли и страха: *Als dieser aber todt da lag, und er sein rothes Blut fließen sah / Когда же тот лежал уже мертвый, увидел он как течет красная кровь* [5: 334]; *und das Feuer an ihren Kleidern mit roten Zungen leckte / и пламя лизало ее платье своими красными языками ...* [5: 76]; *Da mußte sie die rotglühenden Schuhe treten und so lange tanzen, bis sie tot zur Erde fiel / Тогда должна была она надеть раскаленные докрасна туфли и танцевать в них так долго, пока не свалится на землю* [5: 278]. Аналогичной символической нагрузкой обладает красный цвет в структуре описания ведьм с красными глазами: *kat eine alte krumme Frau aus diesem hervor, gelb und mager, große rote Augen, krumme Nase, die mit der Spitze ans Kinn reichte.../ и вышла оттуда горбатая старуха, желтая да худая; большие красные глаза, нос крючком до самого подбородка* [5: 365]. Негативные коннотации красного, связанные с огнем и кровью, более отчетливы при сопоставлении всех текстов немецких сказок. Они проявляются намного чаще, чем положительная символическая нагрузка красного цвета.

Очевидна своеобразная оппозиция символических смыслов красного цвета в описании яблока с помощью колоративов

красный и *rot*. В русской сказке «Медный лоб» проступает положительная ассоциация, присущая красному спелому плоду, в сказке избавляющего героя от заколдованных рогов и хвоста: *красные плоды в виде яблоков <...> съел один плод, пощупал — нет рога, съел другой — и другой рог отпал*, [3: 207]. В немецкой сказке “Scneewittchen” / «Белоснежка» красная спинка отравленного яблока приносит смерть принцессе: *Der Apfel war aber so künstlich gemacht, dass der rote Backen allein vergiftet war / Но яблоко было так искусно сделано, что был отравлен только один его бочок — красный* [5: 275].

В немецкой сказке находим также два существительных-колоратива *das Rote / красный цвет, der Rote / красный* (о человеке), два сложносоставных прилагательных *blutrot / кроваво-красный, rubinroth / рубиново-красный* и одно сложное причастие с элементом колоративом *rotglühend / раскаленный докрасна*. В русских народных сказках аналогичных лексических средств реализации концепта «красный цвет» нет.

Таким образом, можно говорить не только о явлении количественной и репертуарной асимметрии, но и о словообразовательной асимметрии при реализации концепта «красный» в сказках двух этносов. Для русской сказки в большей степени характерна положительная трактовка красного цвета. Красный цвет, занимая с древнейших времен важное место в культурном самосознании славян, в сказочном тексте совмещает в себе цветное значение с древним значением ‘хороший’, ‘красивый’. В то время как в немецкой сказке наряду с положительными символическими сочетаниями гораздо чаще он ассоциируется с огнем, кровью, болью. Для реализации этих символических смыслов используется обширный набор лексических средств, отражаются различные оттенки красного цвета.

Примечания:

1. Хунагова А.Р. К определению понятия «мода» через определение понятия «концепт» // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. Майкоп, 2012. Вып. 2. С. 333-337.
2. Бобунов А.М. Контрастивный словарь языка русского и английского песенного фольклора как база кросскультурного исследования: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Курск, 2012. 23 с.
3. Ончуков Н.Е. Северные сказки // Полн. собр. рус. сказок: в 2 кн. СПб.: Трoпа Троянова, 1998. 832 с.
4. Бахилина Н.Б. История цветообозначений в русском языке. М.: Наука, 1975. 292 с.
5. Grimm W. und J. Die Kinder und Hausmärchen / W.R Klemke. Berlin: Kinderbuchverlag, 1963. с. 375 - 378.

References:

1. Khunagova A.R. On the definition of concept «fashion» through the «concept» definition // The Bulletin of the Adyghe State University. Series «Philology and the Arts». Maikop, 2012. Issue 2. P. 333-337.
2. Bobunov A.M. Contrastive dictionary of the language of the Russian and English song folklore as the base of cross-cultural research: Diss. abstract for the Cand. of Philology degree. Kursk, 2012. 23 pp.
3. Onchukov N.E. Northern fairy tales / Complete coll. of Russian fairy tales: in 2 books. SPb.: Tropa Troyanova, 1998. 832 pp.
4. Bakhilina N.B. History of colour terms in the Russian language. M.: Nauka, 1975. 292 pp.
5. Grimm W. und J. Die Kinder und Hausmärchen / W.R. Klemke. Berlin: Kinderbuchverlag, 1963. P. 375 - 378.